

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

УДК 322

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности

Буданов Максим Александрович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [6885-1524](https://elibrary.ru/6885-1524), budanov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Полунов Александр Юрьевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, SPIN-код РИНЦ: [5065-8701](https://elibrary.ru/5065-8701), ORCID: [0000-0002-4484-6003](https://orcid.org/0000-0002-4484-6003), polunov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Вопросы межрелигиозного диалога играют особую роль в жизни поликонфессиональных стран, к числу которых принадлежит Россия. Согласно Конституции, религия в России отделена от государства. При этом духовное и идеологическое влияние различных конфессий на жизнь общества достаточно велико. Особую роль играют традиционные религии — православие и ислам, к числу последователей которых себя причисляет основная часть верующих. В России высок уровень доверия к традиционным конфессиям, прежде всего к Русской Православной Церкви (РПЦ). Сложились механизмы взаимодействия между крупнейшими религиозными организациями и государством, законодательство признает особую роль традиционных конфессий в истории страны. Согласно исследованиям последних лет, в рядах последователей РПЦ сформировалось сравнительно небольшое, но сплоченное ядро, отличающееся повышенной активностью и играющее значительную роль в приходской жизни, являющееся инициатором разного рода общественных начинаний. Препятствием к расширению этого ядра служит низкий уровень религиозного образования значительной части россиян — проблема, которая пока не находит удовлетворительного решения. Введение в средних общеобразовательных школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики», включающего в себя модуль «Основы православной культуры», не оправдало возлагавшихся на него надежд. Встающие перед РПЦ проблемы во многом характерны и для исламского сообщества России. Здесь возникают также дополнительные вызовы и угрозы. Они связаны с размыванием идентичности российских мусульман из-за массовой миграции их единоверцев из ближнего зарубежья, с влиянием находящихся за рубежом духовных центров ислама. Исследование вопроса показывает, что для преодоления экстремистских тенденций и конфликтов на религиозной почве необходимо дальнейшее развитие межрелигиозного и государственно-конфессионального диалога, повышение религиозной грамотности населения России.

Ключевые слова

Конфессии, государство, ислам, православие, Русская Православная Церковь, религиозное образование, религиозный диалог, религиозные организации.

Для цитирования

Буданов М.А., Полунов А.Ю. Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 80–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities

Maxim A. Budanov

PhD, Associate Professor, budanov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alexander Yu. Polunov

DSc (History), Professor, Head of the Department of Interethnic and Interfaith Relations Management, ORCID: [0000-0002-4484-6003](https://orcid.org/0000-0002-4484-6003), polunov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Issues of interreligious dialogue play a special role in the life of multi-confessional countries, such as Russia. According to the Constitution, religion in Russia is separated from the state. At the same time, the spiritual and ideological influence of various faiths on the life of society is quite great. A special role is played by traditional religions — Orthodoxy and Islam, which cover the majority of believers in the country. In Russia, there is a high level of trust in traditional confessions, primarily in the Russian Orthodox Church (ROC). Mechanisms of interaction have emerged between the largest religious organizations and the state, and legislation recognizes the special role of traditional faiths in the country's history. According to the recent research, a relatively small but close-knit core emerged among the followers of the Russian Orthodox Church, which is characterized by increased activity and its prominent role in parish life, initiating various kinds of social undertakings. The low level of religious education of Russians society hampers the expansion of this core. And this problem has not been solved yet. The introduction of the subject "Fundamentals of Culture and Secular Ethics" into secondary schools, which includes the module "Fundamentals of Orthodox Culture", did not meet the expectations.

The problems facing the Russian Orthodox Church are in many ways the same for the Islamic community in Russia. But some additional challenges and threats arise here. They are associated with the erosion of the identity of Russian Muslims due to the mass migration of their co-religionists from neighboring countries and the influence of the spiritual centers of Islam located abroad. The study of the issue shows that in order to overcome extremist tendencies and conflicts on religious grounds, it is necessary to further develop interreligious and state-confessional dialogue and increase the religious literacy of the Russian population.

Keywords

Confessions, state, Islam, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, religious education, religious dialogue, religious organizations.

For citation

Budanov M.A., Polunov A.Yu. (2025) The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. No. 108. P. 80–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-80-89

Дата поступления/Received: 31.10.2024

Введение

Несмотря на распространенные представления о преимущественно секулярном характере современного мира, религия играет в нем значительную роль, определяя глубинные поведенческие установки людей, особенности политической культуры, цивилизационное своеобразие различных сообществ. По словам одного из ведущих современных социологов религии Х. Казановы, «мы должны рассматривать тенденции секуляризации, религиозной трансформации и религиозного возрождения как непрерывно развивающиеся взаимосвязанные глобальные процессы, а не как взаимоисключающие направления развития» [Casanova 2011, 64]. Вопросы межконфессионального диалога, взаимодействия различных религиозных структур с государственной властью и общественными организациями играют в связи с этим в жизни современных государств значительную роль. Особенно важны они для поликонфессиональных стран, к числу которых относится Россия. Проблематика государственно-конфессиональных отношений, общественной роли религии особенно актуальна для нашей страны в контексте процессов «религиозного возрождения», ставших яркой приметой постсоветского периода ее истории. В свете вышесказанного анализ роли религиозного фактора в социальной и политической жизни современной России имеет несомненное научное и практическое значение.

Современная религиозно-политическая ситуация в России

Говоря об особенностях религиозно-политической ситуации в России, необходимо в первую очередь отметить, что формально-юридическую рамку для ее развития задает Конституция, в которой последовательно проводится принцип светского характера государства. Статья 14 Основного закона утверждает отделение от государства всех религиозных организаций, отсутствие юридических привилегий у какой-либо из них. Это обстоятельство, разумеется, не снижает роли конфессиональных структур в общественно-политической и особенно в идейно-духовной жизни страны. Будучи отделенными от государства, они оказывают значительное воздействие на сознание и поведение россиян. Отражением этого влияния является тот факт, что большинство населения страны причисляет себя к верующим, главным образом к числу приверженцев двух основных традиционных конфессий — православия и ислама. Согласно данным общероссийского репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2014–2017 гг., к православным себя причисляет 66–69% населения, к мусульманам — 5–6%; 2% относятся к представителям других религий, 6–9% — к внеконфессиональным верующим, 10–13% считают себя атеистами, 5–8% затрудняются с ответом [Мчедлова 2018, 163]. Несколько иные, но в целом близкие данные дает опрос, проведенный в 2022 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ): православные — 63%, другие христианские конфессии — 2%, мусульмане — 8%, иные религии — 2%, атеисты — 23%, не определились — 2%¹.

¹ Пасха. О праздновании Пасхи и пасхальном богослужении // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14719> (дата обращения: 17.10.2024).

Принадлежность большинства верующих к традиционным религиям может рассматриваться как важный фактор обеспечения общественной стабильности, поскольку у этих конфессий есть давний опыт общения друг с другом и наработанная практика взаимоотношений с государством (пусть и несвободная от противоречий и носившая различный характер в разные исторические эпохи). Существенным обстоятельством является и то, что традиционные религии, как правило, не выходят за пределы своих этнических ареалов, а значит, риск их столкновения друг с другом невелик (если он не будет спровоцирован извне). 92% православной паствы — это представители народов православной культуры (русские, украинцы, белорусы, молдаване, грузины, осетины, принявшие христианство народы Поволжья, Севера, Сибири). 88% мусульман — это татары, башкиры, народы Северного Кавказа и иные этнические группы, традиционно принадлежащие к данной конфессии [Там же, 171–173].

Социологические исследования демонстрируют, что население в ходе опросов декларирует доверие к традиционным конфессиям. Лидирует в этом отношении Русская Православная Церковь (РПЦ): ей доверяет 50% респондентов (наивысший уровень среди общественных организаций). С доверием к РПЦ относятся не только православные, но и немалая часть мусульман, внеконфессиональных верующих и даже атеистов [Там же, 167]. Проведенный в 2022 г. опрос ФОМ дал еще более высокие показатели доверия, оказываемого Православной Церкви (66%). Подобный результат подтверждают и ответы респондентов на вопросы сходного характера. Так, 45% опрошенных указало, что РПЦ влияет положительно на общественную жизнь страны (6% — «влияет отрицательно», 27% — «не влияет»); 40% заявили о своем согласии с представителями Церкви по общественно-политическим вопросам (противоположной точки зрения придерживаются 17%)².

Сложившаяся в обществе ситуация, основные особенности которой стали заметны еще в 1990-е гг., побудила руководство страны пойти в тот период на определенную корректировку законодательства, нацеленную на учет существующих реалий. Подчеркивая приверженность принципу светского государства и юридического равенства всех конфессий, принятый в 1997 г. закон «О свободе совести и религиозных объединений» в то же время отметил особую роль православия в истории нашей страны и выразил «уважение к христианству, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим часть исторического наследия народов России»³. Постепенно сформировались и определенные механизмы взаимодействия религиозных структур с государством. К их числу, в частности, относится созданный в 1998 г. по инициативе традиционных конфессий Межрелигиозный совет России. С 1993 г. действует Христианский межконфессиональный консультативный комитет, объединяющий христианские религиозные организации постсоветского пространства. В свою очередь, в рамках системы государственных органов учреждены Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (1995) и Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.

Тенденции развития религиозной ситуации

Безусловно, учреждение подобных структур и особенно принятие закона «О свободе совести и религиозных объединениях» вызвали критику со стороны приверженцев последовательного разделения религий государства, протестовавших против упоминания в законе одних религий, как считалось, в ущерб другим. Сторонники данной точки зрения отстаивали безусловно светский характер государства, полагая, что любая другая модель религиозной политики будет

² Отношение к РПЦ и патриарху. Оценка влияния РПЦ на общественную и политическую жизнь страны // ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14717> (дата обращения: 17.10.2024).

³ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (дата обращения: 17.10.2024).

противоречить принципам демократии [Basil 2009, 219–220]. Однако, как показывает мировой опыт, и в демократических государствах вполне возможно активное сотрудничество органов власти с конфессиональными структурами, прежде всего в сфере социальной работы, образовательной деятельности, культуры, миротворчества и др. Объективно в рамках такого сотрудничества выделяются конфессии, объединяющие значительную часть населения данной страны и сыгравшие заметную роль в ее истории, развитии ее культуры. Такая модель государственно-конфессиональных отношений именуется в науке кооперационной или партнерской и не считается противоречащей принципам демократии [Ibid., 227–234]. Как представляется, в России с учетом ее национальных традиций обоснованным является применение именно этих подходов, и они в целом могут способствовать укреплению социально-политической стабильности в стране. В то же время на пути развития религиозной ситуации в позитивном направлении существует ряд препятствий.

Одним из них является недостаточно высокий уровень знаний о религии у значительной части населения, который мешает ему активно и сознательно участвовать в жизни тех конфессий, приверженцами которых они себя объявляют. Подобная ситуация не удивительна с учетом господства в течение свыше 70 лет официального атеизма и жестких ограничений, накладывавшихся в то время на систему религиозного образования. Для большинства россиян, по определению М.М. Мчедловой, характерны в наши дни «размытость» и «неструктурированность» религиозного сознания. Так, около четверти респондентов, объявляющих себя верующими, заявляет в то же время, что не верит в Бога. Под «верованием» они, возможно, понимают представление о наличии неких сверхъестественных сил, стремление следовать приметам, веру в судьбу и т. д. При этом о своей вере в Бога говорят и 12% атеистов [Мчедлова 2018, 164–165]. Значительная часть лиц, причисляющих себя к православным, соблюдает основные религиозные обряды, в частности Великий пост, однако затрудняется указать дату его начала, назвать другие посты, неточно понимает смысл основных молитв и др.⁴

Разумеется, даже при наличии таких данных нельзя утверждать, как это делают В.С. Малахов и Д.Э. Летяков, что в нашей стране не происходит формирование устойчивых религиозных общин и отсутствует религиозно мотивированная социальная мобилизация граждан, поскольку «население практически не посещает храмы на регулярной основе» [Малахов, Летяков 2021, 165]. Исследования, в том числе социологические опросы, показывают, что в среде православных существует пусть и сравнительно небольшое, но сложившееся ядро, активно принимающее участие в церковной жизни, причем оно имеет тенденцию к расширению. По данным опросов ВЦИОМ, около 13% респондентов ежегодно причащаются, посещают храм не менее одного раза в месяц и соблюдают Великий пост. В целом посты (в разной степени) держат 29% опрошенных. Примерно четверть респондентов посещает храмы на большие христианские праздники — Рождество, Крещение, Пасху, то есть эти даты имеют для них религиозный смысл, а не просто являются частью этнокультурного наследия; 42% респондентов бывали в местах, связанных с поклонением православным святыням, а 75% хотели бы их посетить⁵.

Согласно проведенным сотрудниками Института социологии РАН исследованиям, к числу «вовлеченных» в церковную жизнь (в конфессиональной терминологии — «воцерковленных»)

⁴ Великий пост — 2021 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 17.10.2024); Православные россияне высказываются за смену языка богослужения // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnye-rossiyane-vyskazyvayutsya-za-smenu-yazyka-bogosluzheniya> (дата обращения: 17.10.2024).

⁵ Отмечаем крещение — 2023 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmechaem-kreshchenie-2023>; Великий пост-2021. 15 марта 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 17.10.2024); Православные россияне высказываются за смену языка богослужения // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnye-rossiyane-vyskazyvayutsya-za-smenu-yazyka-bogosluzheniya> (дата обращения: 17.10.2024); Святые — люди и места // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svyatye-lyudi-i-mesta> (дата обращения: 17.10.2024); Рождественский пост — 2019 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rozhdestvenskij-post-2019> (дата обращения: 17.10.2024).

православных верующих можно отнести 8% населения. Однако эта сравнительно небольшая группа отличается сплоченностью и повышенной социальной активностью. «Вовлеченные» значительно шире, чем представители других выделенных в ходе исследования групп («церковная периферия» и атеисты), участвуют в деятельности общественных организаций — благотворительных учреждений, волонтерских движений, профессиональных союзов, обществ защиты прав потребителей, охраны памятников истории и культуры и др. По мнению ученых, «именно вовлеченные православные больше демонстрирует гражданскую и социальную активность, что показывает наличие в данной подгруппе большего потенциала солидарности, социального активизма и самоорганизации. Это позволяет говорить о наличии связи между религиозно-мировоззренческими ориентациями, религиозной социализацией и новыми гражданскими формами участия и социальной активности, вопреки расхожим мнениям о пассивности и традиционной покорности верующих» [Мчедлова и др. 2020, 285–286].

«Вовлеченные» православные, согласно данным исследователей, активнее, чем другие, проявляют себя и в политической жизни: участвуют в выборах, общественно-политических акциях, обсуждении политических событий и др. [Там же, 288]. При этом, как показывает исследование Ю. Карпич, активная вовлеченность в жизнь религиозной общины не предопределяет политической позиции верующих, их приверженности конкретной политической программе [Karpich 2023, 240–259].

Православный активизм: достижения и противоречия

Наличие активного ядра в сообществе мирян и духовенства РПЦ ярко проявилось, в частности, в период пандемии COVID-19, который, по словам Р.Н. Лункина, «показал бурное внутреннее развитие российского православия как гражданского института с естественным плюрализмом мнений» [Лункин 2020, 549]. Русская Православная Церковь в этот период развернула активную социально-благотворительную и волонтерскую деятельность в рамках борьбы с пандемией. При этом представители РПЦ достаточно активно выступали и против необоснованных, на их взгляд, ограничений, которые власти налагали на проведение богослужений и возможность посещения храмов. В этом отношении позиция крупнейшей религиозной организации России не отличалась от действий конфессиональных структур на Западе [Там же, 551, 553–556]. В целом можно констатировать, что деятельность РПЦ стала важной составной частью общественного активизма, способствуя тем самым укреплению структур гражданского общества России. Это обстоятельство, разумеется, не отменяет проблем, связанных с низким уровнем религиозного образования значительных масс населения, и необходимости повышения этого уровня.

Наличие серьезных препятствий на пути решения данной проблемы выявила, в частности, ситуация, связанная с введением в средней общеобразовательной школе преподавания основ религиозного учения и культур различных конфессий. Необходимость преподавания школьникам подобного предмета длительное время обсуждалась в связи с низким уровнем знаний населения о религии и порождаемыми данной ситуацией проблемами. Противники введения в школьный курс данной дисциплины вновь указывали на конституционный принцип отделения религии от государства (и, следовательно, от государственной школы), наличие в России множества конфессий и невозможность представить все вероучения в системе школьного преподавания, что было бы несправедливо по отношению к многим из них. В итоге, как известно, было решено ввести в школах несколько образовательных модулей, выбор одного из которых зависел от учащихся (точнее, от их родителей). Данные модули должны были отражать потребности как приверженцев традиционных религий («Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской

культуры», «Основы иудейской культуры»), так и тех, кто хотел узнать о религиях в целом («Основы религиозных культур народов России») или придерживался светских взглядов («Основы светской этики»).

Вся совокупность модулей, получившая название «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), вошла в основную сетку учебного плана за 4 и 5 классы средней общеобразовательной школы и стала преподаваться с 2012 г. Согласно мнению, которое к настоящему времени разделяет значительная часть экспертов, введение ОРКСЭ в систему школьного преподавания оправдало себя далеко не в полной мере. Ярко выразился «промежуточный» характер данного начинания, которое, с одной стороны, не является катехизацией, а с другой — все же порождает подозрения у сторонников светских воззрений, опасующихся, что преподавание примет характер религиозной проповеди. Во многих семьях родители, принадлежащие к православной этнокультурной традиции, но религиозно индифферентные лично, часто отвергают «Основы православной культуры» (ОПК) по этой причине. Что же касается детей из православных воцерковленных семей, то многие из них и так вовлечены в приходские воскресные школы, обладают достаточно широкими знаниями о православии и поэтому избегают лишней учебной нагрузки в школе общеобразовательной.

Следует отметить, что общественная дискуссия на стадии обсуждения целесообразности введения ОПК в школьный учебный план вызвала резонанс, вышедший далеко за рамки православного сообщества. Эта дискуссия дала повод для критики самой роли христианства в современном российском обществе со стороны как атеистов, так и представителей иных конфессий⁶.

Относительная неудача мероприятий, связанных с введением ОПК в систему школьного преподавания, сопровождалась усилением внимания руководства РПЦ к собственно катехизаторской деятельности. Одним из нововведений в этом духе (осмысленном в церковных кругах как возвращение забытой традиции) стали так называемые огласительные беседы — обязательный в приходах РПЦ краткий курс знакомства с основами православного вероучения, культуры и норм поведения для родителей и восприемников крещаемых детей, а также для взрослых неофитов. С учетом отмеченного выше низкого уровня религиозных знаний основной массы населения, принадлежащего к православной этнокультурной традиции, в церковных кругах это начинание нередко именуется внутренним миссионерством. Однако и эти мероприятия при всей их важности вызвали, в том числе в церковной среде, неоднозначные оценки. На православных форумах можно встретить, в частности, замечания о некотором сокращении числа крещаемых из-за нежелания посещать подобные мероприятия⁷.

К числу актуальных проблем РПЦ можно отнести еще определенный «запрос на радикализм», характерный для пусть и незначительной, но социально активной части православной паствы. Объектом такого запроса и центром притяжения для части верующих оказался в последние годы ряд духовных лиц, в силу разных причин ставших предметом общественного внимания. Среди них: и отлученный от Церкви бывший игумен Сергей (Романов), известный своим фундаментализмом, и клирики, известные, напротив, своими прозападными и оппозиционными настроениями, — бывший ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова игумен Пётр (Еремеев), извергнутые из сана протоиерей Алексей Уминский и протодиакон Андрей Кураев.

Всех перечисленных бывших священнослужителей, очень далеких друг от друга по своим идеологическим установкам, методам работы с аудиторией, тем не менее объединяет ряд признаков:

⁶ Открытое письмо ученых Президенту Российской Федерации // Наука и жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/texts/13161/> (дата обращения: 17.10.2024); Преподавание «Основ православной культуры» в государственных школах — бомбазамедленного действия» — Равиль Гайнутдин // Совет муфтиев Дум РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=16360> (дата обращения: 17.10.2024).

⁷ Безответственное крещение: об огласительных беседах и не только // Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Медведкове [Электронный ресурс]. URL: https://pokrovchram.ru/kreshenie_oglashenie (дата обращения: 17.10.2024).

протест против церковных (а в ряде случаев и против государственных) властей, информационная активность и вследствие этой активности широкая известность за пределами РПЦ, наличие круга преданных последователей. Публичная деятельность подобных персон хотя и не способна внести раскол в ряды РПЦ, но оставляет негативный информационный след, может внушать нецерковной аудитории ложное представление о неких фундаментальных противоречиях внутри православного духовенства.

Ислам в России: в поисках путей стабилизации

Если говорить о второй по численности приверженцев религии России — исламе, то ситуация с этой религией выглядит заметно более сложной, чем положение дел с православием. По мнению ряда экспертов, к данной конфессии государство пока не выработало целостного, взвешенного подхода, относясь к ней в некоторых случаях с настороженностью, боязнью⁸. Данная ситуация во многом объясняется ролью внешнего фактора — тесной связью российских мусульман с единоверцами из зарубежных стран, а во многом и зависимостью от находящихся в этих странах религиозных центров.

Влияние указанных факторов со всей остротой обозначилось уже в начале 1990-х гг., когда выявившиеся после распада СССР недостатки в сфере подготовки мусульманского духовенства, образования верующих стали восполняться извне, в первую очередь благодаря усилиям проповедников из арабских стран. В Россию, как отмечает Ю.М. Почта, «пошел поток зарубежных миссионеров со своими специфическими трактовками ислама, деньгами, литературой. Государство и не пыталось контролировать этот процесс, что привело к возникновению рисков для формировавшейся государственности. Среди них можно назвать опасения относительно возникновения возможной нелояльности российских граждан-мусульман российскому государству в связи с тем, что они могли приобрести иные идентичности: национально-этническую (тюркскую, татарскую), имперскую (неоосманскую)», а также глобальную мусульманскую [Почта 2019, 624].

Материалы современных исследований показывают, что для исламских сообществ России (в частности, в Татарстане) характерны многие особенности, присущие и православному миру, со всеми положительными и негативными аспектами. Верующими себя называет значительная часть населения, но при этом религия может восприниматься главным образом как часть этнокультурного наследия, а уровень знания основ вероучения — оставаться невысоким. В то же время исламские структуры и иные религиозные организации в Республике Татарстан стремятся играть стабилизирующую роль: «способствуют сохранению политического строя благодаря своей специфической функции поддержания символического порядка», придают легитимность политической системе [Гузельбаева 2020, 680–682]. В этой обстановке, как отмечает Г.Я. Гузельбаева, Духовное управление мусульман Республики Татарстан «видит одной из основных целей своей деятельности нейтрализацию и профилактику экстремизма» [Там же, 684], в первую очередь с помощью просветительской деятельности.

Особое внимание уделяется молодежи и образовательной работе, прежде всего подготовке квалифицированных имамов. Работа в этих направлениях обозначена государством как наиболее важная задача, поставленная перед Духовным управлением. Для ее реализации ведется деятельность в рамках Совета по исламскому образованию Российской Федерации, а в 2016 году в Татарстане в г. Болгар была создана Болгарская академия как высшее исламское учебное заведение. Принимаются также меры по снижению влияния на мусульманское сообщество выходцев из арабских стран, которые несли и несут идеи, не всегда сочетающиеся с привычной для татар жизнью в светском контексте [Там же, 684–686].

⁸ Малашенко А.В. Российские мусульмане в международном контексте // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste/> (дата обращения: 17.10.2024).

Отдавая должное мерам, предпринимаемым с целью стабилизации ситуации в регионах распространения ислама, следуем в то же время отметить, что мусульманское сообщество в настоящий момент сталкивается в нашей стране с целым рядом противоречий. Об этом сигнализирует большое количество информационных поводов, вызывающих значительный общественный резонанс. Ведутся горячие дискуссии о том, противоречит ли традициям российского ислама ношение никабов — женского головного убора, закрывающего лицо, принятого во многих арабских странах, но не характерного для российского ислама⁹.

Серьезный резонанс вызвали массовые выступления в ряде регионов Северного Кавказа в октябре 2023 г., вызванные обострением арабо-израильского конфликта и нацеленные на выражение солидарности с мусульманами Палестины. Наиболее острый характер данные выступления приняли, как известно, в Дагестане, закончившись попыткой погрома в аэропорту Махачкалы. Подобные события вызвали целый ряд вопросов у общественности, особенно с учетом того, что солидарность со страдающими жителями Донбасса проявлялась в регионе гораздо менее заметно. Порождает неоднозначную реакцию в обществе и резкое осуждение, которое высказывают мусульманские общественные деятели по отношению к выступлениям местных жителей против строительства мечетей в ряде крупных городов России¹⁰.

Важно подчеркнуть, что запрос на усиление трансляции исламских ценностей на общероссийскую аудиторию исходит преимущественно не от экономически мощных Татарстана или Башкирии, а от республик Северо-Кавказского федерального округа, отличающихся в целом неблагоприятной социально-экономической обстановкой. Дополнительным источником нестабильности в настоящий момент выступает и стремительное изменение этнического портрета российского ислама. Все большее место в мусульманском сообществе России занимают выходцы из республик Средней Азии, по менталитету и традициям сильно отличающиеся от коренных мусульманских народов России¹¹.

Продолжает сохранять значение фундаментальный факт, связанный с тем, что основные религиозные и духовно-идеологические центры ислама находятся за рубежом. Это создает опасность смещения приоритетов в системе идентичностей у части российских мусульман и вытеснение общероссийской гражданской идентичности¹². Отметим и такой хорошо известный фактор, как очевидные противоречия между целым рядом особенностей зарубежного ислама и традициями российских мусульманских народов. Данным народам в целом чужд занесенный извне радикальный ислам (салафизм), зачастую приобретающий форму политического экстремизма. Тем не менее проникновение этого учения в Россию остается заметной тенденцией, которая усиливается в связи с притоком на территорию нашей страны мигрантов из Средней Азии, многие из которых находятся под влиянием проповедников радикальных доктрин. Подобная ситуация создает серьезную опасность особенно с учетом того, что власти Узбекистана, Таджикистана, Киргизии проводят чрезвычайно жесткую и непримиримую политику по противодействию фундаментализму, выдавливанию из своих стран религиозных экстремистов, многие из которых направляются в Россию¹³.

Укажем и на то обстоятельство, что демографическое поведение выходцев из мусульманских стран ближнего зарубежья существенно отличается от поведения большинства российских мусульман. Даже если принять во внимание высокую рождаемость в Чечне и Дагестане, все равно приходится

⁹ Телеграмм-канал Кирилла Кабанова // Telegram [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/kabanovkv/3228> (дата обращения: 17.10.2024).

¹⁰ Эксперт: конфликт в Москве возник из-за длительного игнорирования вопроса строительства мечетей // Islam.kz [Электронный ресурс]. URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/ekspert-konflikt-v-moskve-voznik-iz-za-dlitelnogo-ignorirovaniya-voprosa-stroitelstva-mechetei-18423/#gsc.tab=0> (дата обращения: 17.10.2024).

¹¹ Исламовед объяснил снижение числа мусульман в мечетях Москвы // LIFE [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1666320> (дата обращения: 17.10.2024).

¹² Мы слишком заигрались с радикальным исламом // Телеканал «Царьград» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.telegram.org/k/#@tsargradtv> (дата обращения: 17.10.2024).

¹³ Депутат Делягин назвал Россию «местом ссылки» для «преступников» из Средней Азии // Радиостанция «Говорит Москва» [Электронный ресурс]. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/414665/> (дата обращения: 17.10.2024).

признать более высокую демографическую активность мигрантов и большую приверженность семейным ценностям. Например, те же республики Северо-Кавказского федерального округа хоть и отличаются высоким положительным естественным приростом, но на сегодня входят в число лидеров среди российских регионов по количеству семейных разводов.

Все вместе это может оказать негативное влияние на этнокультурный баланс в нашем обществе уже в среднесрочной перспективе (10–15 лет). Основная опасность заключается в том, что в недалеком будущем российский ислам может перестать быть российским. Это создает угрозу серьезной дестабилизации российского общества. Руководители мусульманского сообщества в России оказываются перед серьезной проблемой. Им нельзя терять влияние на аудиторию российских мусульман. Но сама эта аудитория находится под постоянным прицелом иностранных проповедников, предпринимающих идеологические диверсии против межконфессионального мира в нашей стране, навязывающих российскому мусульманскому сообществу, да и всему социуму России, экспансионистскую версию проповеди ислама. Внешними признаками такой экспансии оказываются требования к ужесточению облика и публичного поведения мусульман (обязательное ношение хиджабов, широкий охват системы общественного питания халяльными стандартами, исламский банкинг, исламская ипотека и проч.). С точки зрения социального самочувствия, психологического благополучия российского исламского сообщества многое из перечисленного — это расшатывание культурных устоев и традиций с дальним прицелом на радикализацию социально активной части данного сообщества. С точки зрения логики развития государства и общества — это явное нарушение статус-кво в межконфессиональном общении и очевидный повод для беспокойства представителей различных конфессий.

Заключение

Подводя итог анализу современной религиозной ситуации в России, необходимо отметить, что она носит достаточно противоречивый характер. С одной стороны, существует прочный задел для обеспечения стабильности, устойчивого развития в сфере межрелигиозных и государственно-конфессиональных отношений. Основами этого задела является доверие к традиционным конфессиям со стороны большей части населения, доминирование данных конфессий в религиозной сфере, наличие работающих механизмов государственно-конфессионального взаимодействия. С другой стороны, сохраняется много проблем. Невысоким остается уровень религиозных знаний в обществе, создающий почву для конфликтов, открывающих возможность для воздействия экстремистских идей на сознание населения. По-прежнему острый характер носят дискуссии относительно принципиально важных вопросов, касающихся закрепленного в Конституции Российской Федерации светского характера государства. Особенно серьезной угрозой представляются экстремистские тенденции, в случае с исламом связанные с деструктивным воздействием извне. Решение вопросов, касающихся распространения религиозного образования, формирования в рамках каждой из конфессий активного ядра верующих, нацеленных на гражданскую активность и конструктивный межконфессиональный диалог, должно создать основу для преодоления негативных тенденций.

Список литературы:

Гузельбаева Г.Я. Взаимоотношения исламских структур и государства: случай Татарстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 678–689. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689)

Лункин Р.Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558)

Малахов В.С., Летняков Д.Э. Религиозная политика постсоветских государств: между «эффектом колеи» и «правительственностью» // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 163–175. DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

Мчедлова М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие в России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 161–190.

Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Православие и лояльность: от социальной напряженности к выбору между властью и церковью // Россия реформирующаяся. 2020. С. 264–298. DOI: [10.19181/ezheg.2020.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.12)

Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620–632. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632)

Basil J. Problems of State and Church in the Russian Federation: Three Points of View // Journal of Church and State. 2009. Vol. 51. Is. 2. P. 211–235. DOI: [10.1093/jcs/csp067](https://doi.org/10.1093/jcs/csp067)

Casanova J. The Secular, Secularizations, Secularisms // Rethinking Secularism / ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. Van Antwerpen. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 54–74.

Karpich Y. “Conservative” Voting in Russia: The Religiosity and the Political Choice of Orthodox Believers // East European Politics. 2023. Vol. 39. Is. 2. P. 240–259. DOI: [10.1080/21599165.2023.2176304](https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2176304)

References:

Basil J. (2009) Problems of State and Church in the Russian Federation: Three Points of View. *Journal of Church and State*. Vol. 51. Is. 2. P. 211–235. DOI: [10.1093/jcs/csp067](https://doi.org/10.1093/jcs/csp067)

Casanova J. (2011) The Secular, Secularizations, Secularisms. In: Calhoun C., Juergensmeyer M., Antwerpen J. Van (eds.) *Rethinking Secularism*. Oxford: Oxford University Press. P. 54–74.

Guzelbaeva G.Ya. (2020) The Relationship between Islamic Structures and the State: The Case of Tatarstan. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 22. No. 4. P. 678–689. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-678-689)

Karpich Y. (2023) “Conservative” Voting in Russia: The Religiosity and the Political Choice of Orthodox Believers. *East European Politics*. Vol. 39. Is. 2. P. 240–259. DOI: [10.1080/21599165.2023.2176304](https://doi.org/10.1080/21599165.2023.2176304)

Lunkin R.N. (2020) Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 22. No. 4. P. 547–558. DOI: [10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558)

Malakhov V.S., Letnyakov D.E. (2021) Religious Politics of Post-Soviet States: Between Path Dependence and Governmentality. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 163–175. DOI: [10.17976/jpps/2021.04.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.12)

Mchedlova M.M. (2018) Religioznaya situatsiya v Rossii i ee regionakh [Religious situation in Russia and its regions]. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds.) *Etnicheskoye i religioznoye mnogoobraziye v Rossii*. Moscow: IEA RAN. P. 161–190.

Mchedlova M.M., Kofanova E.N., Shevchenko A.G. (2020) Orthodoxy and Loyalty: From Social Tension to the Choice Between the Government and the Church. *Rossiya reformiruyushchayasya*. P. 264–298. DOI: [10.19181/ezheg.2020.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.12)

Pochta Yu.M. (2019). Religion and Politics in the Post-Soviet Russia (Example of Islam). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. Vol. 21. No. 4. P. 620–632. DOI: [10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632)